

СОЦИОБИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ МОРАЛИ И АЛЬТРУИЗМА

2015.01.010–011. О ЧЕМ ГОВОРИТ И О ЧЕМ УМАЛЧИВАЕТ МОРАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ В XXI СТОЛЕТИИ. (Сводный реферат)¹.

2015.01.010. ABEND G. What the science of morality doesn't say about morality // Philosophy of social sciences. – L., 2012. – Vol. 43, N 2. – P. 157–200.

2015.01.011. HAIDT J. Moral psychology for the twenty-first century // J. of moral education. – L., 2013. – Vol. 42, N 3. – P. 281–297.

Ключевые слова: моральная психология; нейроисследования; моральные суждения; моральный мозг; социально-интуитивистская концепция морали.

Начало нынешнего столетия отмечено особым интересом гуманитарного научного сообщества к феномену морали. Помимо теоретиков моральной и социальной философии мораль обсуждают социологи, психологи, историки, экономисты, биологи, клиницисты и представители относительно молодой мультидисциплинарной сферы знания, известной как нейронаука, или нейроисследования (neuroscience). Общим для разных дисциплинарных подходов является попытка переосмыслить мораль в терминах ее биологической эволюции, а также – в качестве адаптивной функции человеческого мозга, связанной с работой его определенных сегментов, или сложноорганизованных нейронных сетей. На фоне техниче-

¹ Реферат подготовлен в рамках исследовательского проекта «Интеграция социобиологических и социологических методов в исследовании эволюционных оснований морали и альтруизма (в приложении к российским сообществам)», осуществляемого при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 14-06-00381 а).

ских достижений, сделавших реальностью онлайн-мониторинг процессов высшей нервной деятельности и их компьютерное моделирование, предметом гуманитарных дискуссий становится вопрос о том, насколько социально содержание морали в качестве атрибута человеческих сообществ и в какой мере оценки и поступки людей, продиктованные моральными нормами и ценностями, следует считать социальным продуктом.

В данном реферате представлены две противоположные оценки моральной психологии XXI в. – ее предмета, методов, теоретических моделей, задач и перспектив развития – в рамках социальной психологии. Авторами суждений pro и contra новой науки о морали являются известные американские психологи (в настоящее время – коллеги по Нью-Йоркскому университету (NYU), г. Нью-Йорк, США) Джонатан Хайдт и Габриэль Абенд. Профессор психологии Дж. Хайдт (Бизнес-школа Штерна, NYU) рисует перспективы развития моральной психологии в контексте основных тенденций, которые определяют мультидисциплинарное прочтение феномена морали в текущем столетии, опираясь на собственный 25-летний опыт исследований в этой области [011]. Хайдт известен как один из авторитетных сторонников эволюционной психологии (или социобиологии в ее новой редакции) и осмысления эволюционного генезиса моральных явлений в контексте «двустороннего обмена» между природным и моральным. Он автор влиятельной социально-интуитивистской концепции морали, в рамках которой социокультурные и межличностные факторы генезиса моральных суждений и морального поведения трактуются как существенная, но не единственная их детерминанта, поскольку мораль рассматривается как адаптивный эволюционный ресурс, получивший закрепление в ходе естественного отбора. Эта модель, имеющая сегодня столько же сторонников и последователей, сколько и непримиримых критиков¹, постулирует эволюционное первенство и психологический приоритет интуиции, или спонтанных чувственно-эмоциональных реакций, по отношению к моральным оценкам и

¹ См.: Молони М. Морализация биологии: Плюсы и минусы благостного взгляда на природу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. – М., 2014. – № 3. – С. 100–109.

продиктованным ими действиям¹. Данный принцип нашел отражение в известной авторской метафоре «эмоциональной собаки, которая виляет рациональным хвостом»². Настоящая статья отражает содержание доклада, прочитанного Дж. Хайдтом в ноябре 2012 г. на ежегодной сессии Американской ассоциации морального образования, которая была посвящена памяти одного из основателей когнитивизма Лоренса Колберга. Хайдт предлагает краткий очерк становления моральной психологии как дисциплины, которая сегодня претерпевает «радикальную трансформацию теоретических идей в направлении расширения диапазона и функций интуиции в сфере морального, во-первых, и придания этой сфере большего социального содержания, во-вторых» [011, с. 234].

В середине 1980-х годов, когда студент Пенсильванского университета Джонатан Хайдт заинтересовался проблематикой моральной психологии, история этой области знания представлялась ему «битвой титанов»: Пиаже – против Дюркгейма, Скиннер – против Фрейда, Колберг – против Скиннера и Фрейда вместе взятых. Главным предметом споров был вопрос происхождения морали: являются ли моральные принципы и действия результатом индивидуальной рефлексии или же они привносятся извне, а если справедливо последнее, то кем именно они привносятся: обществом в целом либо ближайшим окружением личности – и существует ли гендерная или расовая дифференциация моральных феноменов? При всем разнообразии ответов на эти и подобные вопросы отцы-основатели моральной психологии были единодушны в том, что моральные качества не являются врожденными. Против этой точки зрения, поддерживавшейся авторитетом корифеев на протяжении многих десятилетий, решительно выступил Э.О. Уилсон, заявив в 1975 г. о необходимости изъять мораль из сферы этики и нравственной философии и отдать ее под юрисдикцию биологической науки³. Разъясняя суть своего подхода к феномену морали, Уилсон

¹ Haidt J., Joseph C. Intuitive ethics: How innately prepared intuitions generate culturally variable virtues // *Daedalus*. – Cambridge (MA), 2004. – Vol. 133, N 4. – P. 55–66; Haidt J. The new synthesis in moral psychology // *Science*. – N.Y., 2007. – Vol. 316, N 5827. – P. 998–1002.

² Haidt J. The emotional dog and its rational tail: A social intuitionist approach to moral judgment // *Psychological rev.* – Wash., 2001. – Vol. 108, N 4. – P. 814–834.

³ Wilson E.O. *Sociobiology*. – Cambridge (MA): Harvard univ. press, 1975.

подчеркивал, что новая дисциплина, названная им социобиологией, призвана заняться поиском оснований морали в эволюционной истории человека как биологического вида. Эти основания, по его мнению, укоренены в некоторой совокупности «аффективно нагруженных реакций, генерируемых специфическими эмоциональными центрами головного мозга» [цит. по: 011, с. 282]. Сами же мозговые центры подлежат рассмотрению в качестве адаптивных механизмов, возникших в ходе естественного отбора в среде высших социальных животных, к каковым принадлежат приматы и вид *Homo sapiens*.

Идея Уилсона, продолжает Хайдт, опередила развитие социальной психологии по меньшей мере на 20 лет. В конце 1980-х годов эволюционная направленность была совершенно чужда моральной психологии, а социобиологию воспринимали как «радиоактивную чуму», чреватую редуccionизмом в методологии и оправданием гендерного и расового неравенства в теории. В то время моральная психология мыслилась только как отрасль психологии развития (и, в очень узких рамках, – социальной психологии, интересовавшейся альтруизмом и эмпатией). Внимание исследователей было сосредоточено на формировании оценочных моральных суждений. В значительной мере этот исследовательский фокус был предопределен когнитивной революцией, одержавшей (во многом благодаря усилиям Л. Колберга) триумфальную победу над психоанализом и бихевиоризмом. Когнитивный поворот положил начало подходу, который автор настоящей статьи позднее назовет рационализмом, поскольку отныне рациональное мышление считалось самым надежным и самым главным способом приобретения морального знания¹. Однако к концу 1990-х годов рациональная установка в психологии постепенно теряет свои лидирующие позиции вследствие целого ряда «трендов», или ориентаций научной мысли, которые, по мнению Хайдта, оказались созвучны эволюционным идеям социобиологии. Это аффективная революция, реанимация принципа автоматизма в качестве атрибута ментальных реакций, нейроисследования самого разного профиля, приматология и эволюционная психология [011, с. 283].

¹ Haidt J. The righteous man: Why good people are divided by politics and religion. – N.Y.: Pantheon, 2012.

Аффективная революция, начало которой ознаменовала статья Р. Зайонца, посвященная наследию В. Вундта¹, была дополнением, или корректировкой, панкогнитивизма в психологии. Свою задачу Зайонц видел в возрождении интереса к гипотезе Вундта о приоритете аффективных реакций (чувствования, или «горячих») когнитивных процессов, – в интерпретации Зайонца) над мышлением (рассуждением, или «холодными») когнитивными процессами). При этом приоритет аффективного по отношению к рациональному понимался как охватывающий сразу несколько сфер: биологическую эволюцию человека как вида; его развитие в онтогенезе; когнитивный процесс, имеющий место здесь и сейчас; степень влияния и силы (независимость аффекта от языка, без которого не может обойтись сознание). Вслед за Зайонцем Дж. Каган призвал психологов обратить более пристальное внимание на роль аффекта при изучении морального развития индивида, подчеркнув, что за внешним разнообразием поведенческих паттернов и осознанно артикулируемых идеалов скрыт набор эмоциональных состояний, которые, в свою очередь, служат фундаментом для ограниченного числа универсальных моральных категорий, не зависящих от места и времени². В итоге Зайонц и Каган (независимо от их желания) оба поддержали О. Уилсона в его стремлении акцентировать роль моментальных аффективно нагруженных психологических процессов в поведении индивида и его ответных реакциях на вызовы среды, подчеркивает Хайдт.

Новую волну интереса к культурной психологии (как материалу для социопсихологических обобщений) спровоцировала полемика антропологов Р. Швидера и Э. Туриэла в 80-х годах прошлого века. Туриэл и его студенты разработали методики проведения интервью, которые оказались более эффективны, чем техники Колберга, для сбора эмпирических данных о практиках формирования моральных суждений у маленьких детей. В процессе полевой работы Туриэл обнаружил дифференциацию в характере нарушений детьми 4–5 лет социальных конвенций, с одной сторо-

¹ Zaionc R.B. Feeling and thinking: Preferences need no inferences // American psychologist. – Wash., 1980. – Vol. 35, N 2. – P. 151–175.

² Culture and moral development / Ed. by J. Kagan, S. Lamb. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1987.

ны, и моральных предписаний – с другой¹. Между тем Р. Швидер и его коллеги не выявили аналогичного расхождения в работе с детьми в Индии. Туриэл полагал, что моральное сознание ребенка формируется как интериоризация социальных правил и конвенций. Швидер в свою очередь считал решающим фактором моральной социализации коммуникацию с авторитетными взрослыми, отводя существенную роль эмоциональным реакциям старших на нарушения ребенком тех или иных моральных требований².

Поворот к «автоматизму» Хайдт связывает с работами социального психолога Дж Барга, сформулировавшего гипотезу об эволюционном континууме ментальных процессов, на одном полюсе которого располагаются чисто автоматические реакции, на другом – те, что полностью контролируются сознанием³. Первые насчитывают более 500 млн лет, это старейшие в эволюционном отношении реакции организма на паттерны его перцептивной системы (моментальные и не требующие никаких усилий). Вторые появились около миллиона лет тому назад, вслед за возникновением речи; они более медленны и требуют для своего осуществления определенного ментального напряжения. В своих эмпирических работах Барг показал, что значительный сегмент поведения человека, включая процесс принятия решений и формирования оценочных сужений в терминах морали, управляется (преимущественно или полностью) автоматическими ментальными реакциями, которые служат их эволюционной предпосылкой. Тем самым Барг проиллюстрировал тезис О. Уилсона о первичности автоматических импульсов по отношению к рациональным суждениям, считает Хайдт.

Столь же убедительные аргументы в защиту социобиологической концепции привел и А. Дамасио, который в 1994 г. опубликовал результаты своей экспериментальной работы в рамках науч-

¹ Turiel E. The development of social knowledge: Morality and convention. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1983.

² Sweder R.A., Mahapatra M., Miller J. Culture and moral development // The emergence of morality in young children / Ed. by J. Kagan, S. Lamb. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1987. – P. 1–83.

³ Bargh J.A., Chartrand T.L. The unbearable automaticity of being // American psychologist. – Wash., 1999. – Vol. 54, N 7. – P. 462–479.

ного направления, известного сегодня как нейронаука¹. Наблюдая за пациентами со сходным типом черепно-мозговых травм, Дамасио обратил внимание на то, что эти люди утратили способность к аффективному опосредованию процесса принятия решений. Они сохранили знание о том, что хорошо и что плохо, но лишились тех чувственных импульсов, которые обычно участвуют в структурировании суждений разума. Поведение таких больных отличалось гиперрациональностью и невозможностью сделать выбор в пользу какого-либо одного решения. Как оказалось, писал в этой связи Дамасио, природа выстроила человеческую рациональность не на пике биологических регулятивных механизмов, но из совокупности этих адаптивных ресурсов и при их участии.

Ф. де Вааль, один из наиболее известных представителей современной приматологии, объявил несостоятельным традиционное предубеждение научного сообщества против антропоморфизации человекообразных обезьян, продолжает Хайдт². Считая приматов ближайшими эволюционными родственниками человека, де Вааль утверждал (на основании эмпирических наблюдений), что в поведении обезьян присутствует полный набор «строительных блоков» собственно человеческой морали. Он подразумевал социоэмоциональные способности к бескорыстной реципрокности – привязанность, дружбу, участие, которые делают возможными заботу и поддержку других даже при отсутствии родственных связей.

Последний тренд в развитии моральной психологии на рубеже XX–XXI вв. Хайдт связывает с возрождением самой социобиологической концепции, теперь – под именем эволюционной психологии³. Ведущая роль здесь принадлежит социальной психологии, которая никогда не могла примириться с идеей сознания как чистого листа. Данная дисциплина постепенно вбирает в себя установки эволюционной психологии, присоединяя их к своему инструмента-

¹ Damasio A. *Descartes's error: Emotion, reason and the human brain*. – N.Y.: Putnam, 1994.

² De Waal F.B.M. *Good natured: Emotion, reason and the human brain*. – Cambridge (MA): Harvard univ. press, 1996.

³ *The adapted mind: Evolutionary psychology and the generation of culture* / Ed. by J.H. Barkow, L. Cosmides. – N.Y.: Oxford univ. press, 1992; Rosin R., Haidt J., McCauley C. *Disgust // Handbook of emotions* / Ed. by M. Lewis, J. Haviland. – N.Y.: Guilford, 1993. – P. 575–594.

рию для более адекватного осмысления формирования сознания и поведения людей их социальными контекстами. В этих концептуальных рамках изучение моральных эмоций – «как продуктов естественного отбора, которые гарантируют преимущества индивидам в их социальной навигации» [011, с. 285], – напрямую следует направлению, в свое время указанному О. Уилсоном.

Таковы основные тенденции развития психологической науки о морали за последние 25 лет, подготовившие ее радикальную трансформацию в направлении эволюционно-биологической трактовки этого феномена, его развития в онто- и филогенезе и специфики социального функционирования, резюмирует свой исторический экскурс автор статьи. С этой трансформацией он связывает как перспективы самой психологии морали в XXI столетии, так и свою интеллектуальную биографию в качестве исследователя моральных явлений. В 1993 г. Хайдт высказал гипотезу о культурной и социально-классовой вариативности моральных суждений, которая нуждалась в тщательном концептуальном моделировании¹. Спустя 20 лет автор формулирует три базовых принципа моральной психологии как научной дисциплины, которые, по его мнению, выражают суть кардинальных изменений в толковании предмета и границ данной области социального знания². Эти принципы, которым посвящена заключительная часть статьи, «в своей совокупности объясняют, что такое мораль, откуда она берется, почему подвержена культурным флуктуациям и каким образом происходит моральное развитие ребенка» [011, с. 286].

Первый принцип получил развернутое обоснование в известной работе Хайдта о собаке и ее хвосте: интуиция всегда первична по сравнению со стратегическим мышлением (рассуждением), т.е. чувство – как автоматическая моментальная эмоциональная реакция – опережает рациональное оформление восприятия происходящего и его обоснование в терминах моральной оценки. Ссылаясь на учение Д. Юма о разуме как слуге страстей, автор настоящей статьи предлагает социально-интуитивистскую концептуализацию

¹ Haidt J., Koller S., Dias M. Affect, culture and morality, or Is it wrong to eat your dog? // J. of personality a. social psychology. – Wash., 1993. – Vol. 65, N 4. – P. 613–628.

² Haidt J. The righteous mind: Why good people are divided by politics and religion. – N.Y.: Pantheon, 2012.

моральных суждений, подкрепляя ее эмпирическими данными. В рамках этой модели моральные суждения (оценки морального плана) рассматриваются как следующие за интуитивными чувственно-оценочными процессами и трактуются как рационализация *post hoc* той интерпретации происходящего, которая имплицитно присутствует в первичной аффективной реакции индивида. При этом индивид, формулируя и аргументируя свою моральную позицию по тому или иному вопросу, не просто артикулирует то, что представляется ему правильным, справедливым или хорошим, но делает это таким образом, чтобы быть понятым окружающими и не ударить в грязь лицом перед (реальной или воображаемой) социальной аудиторией, с которой он вступает в (реальную или воображаемую) интеракцию. Своей заслугой Хайдт считает акцент на социальной составляющей исходной чувственно-интуитивной моральной оценки, что исключает «индивидуалистический фокус» психологического анализа формирования моральных суждений. Моральная интуиция опережает моральную рационализацию, но процесс в целом подчинен задаче осмысленной социальной коммуникации и сообщения другим понятных им аргументов в защиту той или иной моральной позиции, избранной индивидом.

Второй принцип касается содержания морали – как «явления, не исчерпывающегося понятиями пользы / вреда или справедливости» [011, с. 289]. Хайдт подразумевает здесь культурное разнообразие моральных представлений, опирающихся на ряд «фундаментальных оснований», адаптивно-эволюционных по своему генезису и назначению. Эти основания имеют врожденный характер (*innate*), однако не в том смысле, что они универсальны, неизменны или даются человеку в момент его появления на свет. Врожденность в данном случае означает «структурирование реакций с опережением опыта» – притом что позднее (в разных социальных, культурных и политических контекстах) опыт способен подавлять либо усиливать значимость исходных моральных оснований, подчеркивает автор [011, с. 290]. Сопоставляя исследования приматологов, социологов и антропологов, Хайдт акцентирует параллели и даже тождество реакций, которые можно отнести к сфере моральных регуляций, в биологических и социальных сообществах. С его точки зрения, эти факты служат доказательством эволюционно-адаптивной природы человеческой морали. Чтобы считаться тако-

выми, врожденные моральные основания должны удовлетворять следующим критериям: а) представлять интерес с точки зрения коммуникации; б) служить импульсом для автоматических аффективных оценок; в) отличаться культурной распространенностью; г) иметь подтверждение своей врожденности (в качестве реакций, типичных для приматов и / или младенцев); д) располагать эволюционной моделью, демонстрирующей их адаптивные преимущества.

Третий принцип осмысления морали в XXI столетии, по Хайдту, состоит в понимании того, что «мораль ослепляет и связывает» [011, с. 292]. Другими словами, мораль следует трактовать как мощный авторитетный фактор ин-групповой сплоченности и аут-групповой предубежденности (культурной, социальной, религиозной, политической и пр.). С этой точки зрения, мораль служит предпосылкой и источником межгрупповых стереотипов, предрасудков и нетерпимости. Проецируя этот принцип на научное сообщество американских социальных психологов, которых принято считать приверженцами либерализма, автор обращает внимание на политику изоляционизма и дискриминации коллег, придерживающихся иных социально-политических взглядов¹. Между тем задача социальной психологии в текущем столетии – это «обогащение моральной и политической палитры мнений и ослабление внутридисциплинарной сплоченности, включая нынешнюю тенденцию к безоглядной политкорректности», подчеркивает Хайдт [011, с. 293].

Таким образом, пишет в заключение автор, за последнюю четверть века наметился очевидный поворот к трактовке морали в терминах интуиции на фоне расширения социального содержания моральных явлений и диапазона моральных функций, которые более не ограничиваются сферой знания, но связываются с решением задач социального взаимодействия и коммуникации. Это вывод означает не что иное, как «сбывшееся пророчество» О. Уилсона: мораль действительно переходит в ведение аналитиков, готовых изучать ее эволюционно-адаптивное предназначение. Более того, мораль, которая, подобно языку, гендеру или питанию, служит универсальным человеческим атрибутом и потому принадлежит

¹ Подробнее см.: Либералы и консерваторы в социальной психологии: К вопросу о политическом лице дисциплины // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. – М., 2014. – № 1. – С. 115–121.

как культурной, так и биологической сферам, не может оставаться предметом интереса какой-либо одной научной дисциплины; она требует междисциплинарной разработки силами нейронауки, приматологии, эволюционной и социальной психологии, психологии развития, философии, экономики и истории.

По сравнению с Джонатаном Хайдтом Габриэль Абенд (социологический факультет NYU) занимает более сдержанную позицию в вопросе о научных перспективах моральной психологии, по крайней мере в той ее форме, которая сегодня доминирует в западной науке и на страницах научной периодики [010]. По мнению Абенда, то, что сегодня называют новой наукой о морали (т.е. совокупность данных, собранных в русле эволюционной биологии, нейроисследований и экспериментальной психологии), охватывает лишь малую толику явлений (или «вещей»), принадлежащих сфере морального. Фокусом исследований и, по сути, их единственным объектом сегодня являются индивидуальные моральные суждения определенного (и весьма специфического) толка, а именно – те, которые формулирует испытуемый или респондент в стенах лаборатории либо в виртуальном пространстве онлайн-опросов в качестве ответов на вопросы экспериментатора о воображаемом действии в воображаемой ситуации. Очевидно, пишет Абенд, что подобные оценочные суждения не исчерпывают арсенала «моральных вещей», а потому выводы, полученные путем обобщений этого класса моральных событий, никак не могут служить достаточным основанием для достоверных научных суждений о природе морали и ее функциях в социальных сообществах. В связи с этим автор статьи видит свою задачу в доказательстве концептуальной и методологической ограниченности психологии морали в ее настоящем виде и необходимости более широкого социально-психологического (а также мультидисциплинарного) прочтения феномена морали, что предполагает плюрализм методов и теоретических моделей.

Исходный постулат критики Абендом новой науки о морали состоит в том, что сейчас предметом анализа выступает частный случай морального – определенный тип моральных суждений. Это индивидуальные суждения о правильности, допустимости или уместности некоторого действия, представляющие собой непосредственную реакцию на наличный ситуационный стимул в текущий момент времени. Однако сторонники данного исследовательского

подхода, который Абенд обозначает аббревиатурой MJA (*moral judgement approach* – подход, зафиксированный на моральных суждениях), не интересуются степенью распространенности или социальной значимости подобных моральных эпизодов в повседневной жизни людей (за стенами лаборатории или вне пространства монитора). Между тем сфера морального, помимо суждений данного типа, включает в себя массу иных оценочных суждений, а также – явлений рефлексивного, эмоционального, когнитивного, поведенческого толка, которые и вовсе не принадлежат области суждений. В таком случае очевидно, замечает автор, что выводы, полученные экспериментальной психологией морали, вкуче с данными нейроаналитиков, не могут претендовать на универсальность в качестве теоретических заключений о природе и функциях морали как таковой. Следовательно, вопрос состоит не в том, что может сообщить научному и социальному сообществу новая наука о морали, а в том, о чем она вынужденно умалчивает, поскольку мораль, по сути дела, остается вне ее поля зрения.

Свою кампанию против психологии морали Абенд начинает с детального анализа тех моральных суждений, которые составляют ее нынешний фокус. Как правило, респонденту или участнику эксперимента предлагаются вопросы о моральной допустимости / недопустимости того или иного практического решения моральной дилеммы (реже требуется оценить приемлемость единичных морально нагруженных утверждений: «старика бесполезны для общества»). Одной из популярных тем в подобных опросах служит так называемая «трамвайная сага» (*trolleyology*)¹ Речь здесь идет о водителе трамвая, который за поворотом видит группу дорожных рабочих на путях. Рабочие не могут спрыгнуть с высокой насыпи, чтобы избежать гибели под колесами трамвая; водитель не может затормозить, так как тормоза оказались неисправны. Водитель видит боковой путь, куда можно свернуть, чтобы избежать жертв, но и там на путях дорожный рабочий в аналогичном положении,

¹ Foot Ph. *Natural goodness*. – Oxford: Clarendon press, 2001; Foot Ph. *Virtues and vices, and other issues in moral philosophy*. – Oxford: Oxford univ. press, 2002; Appiah K.A. *Experiments in ethics*. – Cambridge (MA): Harvard univ. press, 2008; Pinker S. *The moral instinct* // *New York Times magazine*. – N.Y., 2008. – Jan. 13. – Mode of access: http://www.nytimes.com/2008/01/13/magazine/13Psychology-t.html?pagewanted=all&_r=0 (Retrieved 17.10.2014)

правда, всего один. Вопрос: допустимо ли с моральной точки зрения свернуть на боковой путь? Вариантом той же ситуации будет пассажир, стоящий на подножке трамвая, наклонившись вперед, чтобы лучше видеть происходящее. Пассажир достаточно тучен, чтобы послужить тормозом для неуправляемого трамвая, если его «чуть-чуть подтолкнуть». Вопрос для респондентов аналогичен предыдущему, меняется только его грамматическая форма: оправданно ли для вас такое действие, если вы окажетесь рядом с этим пассажиром? [010, с. 161].

Анализ полученных ответов (в случае с трамваем преобладают суждения о допустимости и оправданности действий водителя, свернувшего на боковой путь, и пассажира, оказавшегося рядом с толстяком) сводится к выяснению того, какие именно мозговые центры отвечают за генерирование моральных суждений того или иного содержания, каковы нейронные корреляты этих суждений (их субстраты, основания, базис и т.п.) и являются ли их первопричиной «горячие» эмоциональные процессы (интуиция, аффект) либо «холодные» рассудочные (рациональные) акты. Конечным шагом экспериментального алгоритма становятся поиски универсального морального органа, способности и даже грамматики – по аналогии с нормами функционирования языка, резюмирует Абенд. Он выделяет несколько типичных характеристик моральных суждений, составляющих предмет изучения в рамках моральной психологии. Такие суждения 1) принадлежат исключительно индивиду; 2) формируются как реакция на стимул; 3) стимулируются воображаемой ситуацией; 4) высказываются только по поводу действий (т.е. не касаются, например, личности или положения вещей); 5) оформляются в виде декларативных предложений в изъявительном наклонении; 6) представляют собой речевые акты, даже если не произносятся вслух; 7) используют только «тонкие» этические понятия (ο'кеу, верно, неправильно, приемлемо, недопустимо)¹; 8) носят безогово-

¹ По мнению Г. Абенда, основная масса моральных явлений может быть адекватно описана только посредством «толстых», или объемных (thick), этических категорий, которые имеют двойственную, дескриптивно-оценочную природу (описание явления с привлечением такого понятия есть одновременно и его оценка в терминах морали). Помимо синтеза репрезентации и оценки объемные понятия имеют онтологические предпосылки в виде тех или иных культурных и институциональных факторов. К разряду таких категорий Абенд относит морально-

рочный характер, как вердикт или приговор; 9) содержательно и семантически прозрачны (не допускают разночтений и толкований); 10) принадлежат конкретному моменту времени. Для суждений, которые касаются моральных дилемм, помимо перечисленного, характерны также нереалистичность ситуации, необходимость выбора между двумя действиями либо между действием и бездействием, будущее время, воображаемый субъект [010, с. 162–163].

Следующий шаг в рассуждениях автора связан с демонстрацией всей той совокупности «моральных вещей», которые не удовлетворяют перечисленным выше критериям и потому остаются за бортом новой науки о морали. Прежде всего, это моральные феномены, заполняющие реальную жизнь людей в виде нравственных вопросов, призывов / увещеваний / повелений и нарративов. Нравственные вопросы – это вопросы, которые люди задают в повседневной жизни, адресуясь к другим, к самим себе или к жизни вообще в поисках жизненных ориентиров. Они могут включать простейшие оценочные суждения, но не сводятся к ним и, даже оставаясь без ответа, служат моральными путеводителями по жизни (в отличие от «кнопочных» моральных суждений в лаборатории). Иначе говоря, «моральные вопросы – это вполне определенный и самостоятельный тип моральных явлений, достойный внимания безотносительно к входящим в них моральным суждениям» [010, с. 165]. Такие вопросы составляют существенную часть человеческого опыта и отличаются гораздо более сложным и противоречивым содержанием по сравнению с тем, что подлежит выяснению в моделируемых ситуациях и виртуальных опросах. Обращение к ним требует определенных когнитивных усилий и некоторого временного интервала, так что весь процесс можно причислить к разряду морального размышления (*moral thinking*), притом что рефлексия в данном случае не ограничивается участием сознания. На этом жизненном фоне «ответы в лоб», которые моментально выдают экспериментаторам их подопечные, – это всего лишь усе-

этические реалии современного западного общества – достоинство, жертвенность, гуманизм, жестокость, фанатизм, эксплуатацию и т.п. Подробнее см.: Абенд Г. Объемные этические понятия и моральный мозг // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. – М., 2013. – № 3. – С. 96–102. – *Прим. реф.*

ченный вариант процесса морального обобщения жизненных перипетий, замечает Абенд.

Моральные увещевания («Не лги жене!», «Мне следует исправить свое поведение!») отличаются от простейших моральных сентенций не только модальностью (повелительным наклонением), но и нацеленностью на практический результат – изменение наличного положения вещей. В этом случае именно практика первична, а оценка личности, ее поведения или ситуации в категориях морали служит поводом для артикуляции морального призыва. Между тем «мораль, каково бы ни было ее толкование, всегда имеет дело, прежде всего, с практикой и действием и лишь затем – с теорией, касающейся практики и действия», – поясняет свою мысль Абенд [010, с. 166].

Нарративы, отражающие стремление людей рассказывать истории о себе, своих друзьях, соседях, идентичности и жизни, являются неотъемлемой частью бытия человека в мире, о чем свидетельствуют и социология, и антропология, и история, и психология. Бóльшая часть таких нарративов несет на себе моральную нагрузку, поэтому в том числе нарратив играет такую важную роль в процессах социализации. Отличительной чертой нарратива служит его цельность, т.е. связанность высказываний, суждений и эпизодов в едином пространстве повествования, в том числе и не в последнюю очередь – повествования морального. «Все без исключения моральные суждения, касающиеся реальной жизни, встроены в нарративные контексты, так что они не существуют и не могут существовать в виде изолированных разрозненных единиц», – заключает автор [010, с. 167].

К тому же ряду «контекстуальных» моральных вещей принадлежит и сопряженность моральных характеристик и идеалов личности с ее социопсихологической идентичностью (субъективным причислением себя к группе, классу, сообществу, нации, расе) – сопряженность, о которой забывают режиссеры лабораторных постановок. В рамках МЯ из реальных жизненных обстоятельств (социальных, исторических, культурных) изымаются и речевые акты индивидов; то же самое происходит с гипотетическими участниками воображаемых моральных сценариев (так, пресловутый толстяк на подножке трамвая может оказаться блестящим хирургом или вором-рецидивистом, что, разумеется, повлияло бы на мо-

ральный вердикт субъекта высказываний, окажись он вне стен лаборатории).

Таким образом, в рамках экспериментальной психологии морали и сопровождающих ее нейроисследований моральные вещи существуют в социальном и культурном вакууме, превращаясь в формальный регулятивный механизм индивидуального поведения. Сказанное относится и к «стимулам», т.е. морально нагруженным гипотетическим ситуациям, которые используются в экспериментах для генерации моральных суждений. Выдумкой является и их временная организация, так как в реальной жизни моральные суждения (реакции) не обязательно следуют непосредственно за «стимулом», они могут быть отложенными во времени или носить кумулятивный характер, базируясь на длительном опыте индивида, или вообще отражать интериоризацию им социальных норм сообщества безотносительно к происходящему здесь и сейчас. «В целом, – пишет Абенд, – моральная жизнь людей вряд ли может быть удовлетворительно описана в качестве серии успешных независимых событий, т.е. совокупности реакций на специфические, уникальные, незнакомые стимулы, которые вдруг возникают перед индивидом... гораздо существеннее то, что происходит в промежутках времени, отделяющих один эпизод морального выбора от другого» [010, с. 174].

Автор статьи скептически оценивает прогностический потенциал экспериментов в жанре МЖА. Вопрос о том, в какой мере поведение субъекта морального высказывания в реальных обстоятельствах будет соответствовать его лабораторному моральному вердикту по поводу смоделированной ситуации морального выбора, до сих пор остается открытым. Проблема состоит не в том, какая грамматическая форма более эффективна для выявления моральной позиции субъекта высказывания (1-е либо 3-е лицо, о чем часто спорят сторонники данного подхода), но в том, что дистанция между суждением и поступком опосредуется культурными и социальными переменными, доказавшими свою прогностическую эффективность в отношении других (неморальных) паттернов, каковые не принимаются в расчет новой наукой о морали (пол, возраст, раса, образование, среда и социализация, религия, профессиональные занятия). По мнению автора, не только результаты лабораторных экспериментов моральных психологов, но и стати-

стические данные, накопленные в ходе масштабных ценностных опросов (в частности – World values survey¹, стартовавшей в 1981 г.), не могут служить надежным фундаментом для обобщений и гипотез по поводу вероятности морально окрашенных поведенческих актов. Методологическую альтернативу эксперименту и опросу он видит в «практике систематического этнографического наблюдения, в максимальной приближенности моделируемых ситуаций к реальной жизни и, по возможности, в проведении полевых экспериментов» [010, с 178].

Резюмируя свою позицию в отношении новой науки о морали, Абенд подчеркивает, что сведения, накопленные в рамках МЖА, до сих пор не получили должного теоретического осмысления: остается неясным, с какими социальными феноменами соотносятся эти данные, коррелятами чего выступают нейронные корреляты и каким образом из этого материала можно получить удовлетворительное представление о морали. Вместе с тем Абенд, как и Хайдт, уверен в том, что «не существует одной-единственной дороги, которая привела бы нас к единому пониманию морали и построению ее общей теоретической модели» [010, с. 187]. Он выступает за разнообразие в методологии и диалог в теории, а также – за объединение усилий психологов, историков, социологов, антропологов и нейроисследователей для движения в сторону «плюралистической науки о моральном».

Е.В. Якимова

2015.01.012. ГАНТ Э., БЁРТОН Дж. ЭГОИЗМ, АЛЬТРУИЗМ И МОРАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ².

GANTT E.E., BURTON J. Egoism, altruism and the ethical foundations of personhood // J. of humanistic psychology. – L., 2013. – Vol. 53, N 4. – P. 438–460.

¹ World values survey. – Mode of access: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (Retrieved 17.10.2014)

² Реферат подготовлен в рамках исследовательского проекта «Интеграция социобиологических и социологических методов в исследовании эволюционных оснований морали и альтруизма (в приложении к российским сообществам)», осуществляемого при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 14-06-00381 а).